

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов
Недоброе дело

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176249

Антон Павлович Чехов

Недоброе дело

– Кто идет?

Ответа нет. Сторож не видит ничего, но сквозь шум ветра и деревьев ясно слышит, что кто-то идет впереди него по аллее. Мартовская ночь, облачная и туманная, окутала землю, и сторожу кажется, что земля, небо и он сам со своими мыслями слились во что-то одно громадное, непроницаемо-черное. Идти можно только ощупью.

– Кто идет? – повторяет сторож, и ему начинает казаться, что он слышит и шёпот и сдержанный смех. – Кто тут?

– Я, батюшка... – отвечает старческий голос.

– Да кто ты?

– Я... прохожий.

– Какой такой прохожий? – сердито кричит сторож, желая замаскировать криком свой страх. – Носит тебя здесь нелегкая! Таскаешься, леший, ночью по кладбищу!

– Нешто тут кладбище?

– А то что же? Стало быть, кладбище! Не видишь?

– О-хо-хо-хх... Царица небесная! – слышится старческий вздох. – Ничего не вижу, батюшка, ничего... Ишь, темень-то какая, темень. Зги не видать, темень-то, батюшка! Ох-хо-хо-ххх...

– Да ты кто такой?

– Я – странник, батюшка, странный человек.

– Черти этакие, полунощники... Странники тоже! Пьяницы... – бормочет сторож, успокоенный тоном и вздохами прохожего, – Согрешишь с вами! День-деньской пьют, а ночью носит их нелегкая. А словно как будто я слышал, что тут ты не один, а словно вас двое-трое.

– Один, батюшка, один. Как есть один... О-хо-хо-х, грехи наши...

Сторож натывается на человека и останавливается.

– Как же ты сюда попал? – спрашивает он.

– Заблудился, человек хороший. Шел на Митриевскую мельницу и заблудился.

– Эва! Нешто тут дорога на Митриевскую мельницу? Голова ты баранья! На Митриевскую мельницу надо идтить много левей, прямо из города по казенной дороге. Ты спьяна-то лишних версты три сделал. Надо быть, нализался в городе?

– Был грех, батюшка, был... Истинно, был, не стану греха таить. А как же мне теперь-то идтить?

– А иди всё прямо и прямо по этой аллее, пока в тупик не упруешься, а там сейчас бери влево и иди, покуда всё кладбище пройдешь, до самой калитки. Там калитка будет... Отопри и ступай с богом. Гляди, в ров не упади. А там за кладбищем иди всё полем, полем, полем, пока не выйдешь на казенную дорогу.

– Дай бог здоровья, батюшка. Спаси, царица небесная, и

помилуй. А то проводил бы, добрый человек! Будь милостив, проводи до калитки!

– Ну, есть мне время! Иди сам!

– Будь милостив, заставь бога молить. Не вижу ничего, не видать зги, ни синь-пороха, батюшка... Темень-то, темень! Проводи, сударик!

– Да, есть мне время провожаться! Ежели с каждым нянчиться, то этак не напровожаешься.

– Христа ради проводи. И не вижу, и боюсь один кладбищем идтить. Жутко, батюшка, жутко, боюсь, жутко, добрый человек.

– Навязался ты на мою голову, – вздыхает сторож. – Ну, ладно, пойдем!

Сторож и прохожий трогаются с места. Они идут рядом, плечо о плечо и молчат. Сырой, пронзительный ветер бьет им прямо в лица, и невидимые деревья, шумя и потрескивая, сыплют на них крупные брызги... Аллея почти сплошную покрыта лужами.

– Одно мне невдомек, – говорит сторож после долгого молчания, – как ты сюда попал? Ведь ворота на замок закрыты. Через ограду перелез, что ли? Ежели через ограду, то старому человеку этакое занятие – последнее дело!

– Не знаю, батюшка, не знаю. Как сюда попал, и сам не знаю. Наваждение. Наказал господь. Истинно, наваждение, лукавый попутал. А ты, батюшка, стало быть, тут в сторожах?

– В сторожах.

– Один на всё кладбище?

Напор ветра так силен, что оба на минуту останавливаются. Сторож, выждав, когда ослабеет порыв ветра, отвечает:

– Нас тут трое, да один в горячке лежит, а другой спит.

Мы с ним чередуемся.

– Так, так, батюшка, так. Ветер-то, ветер какой! Чай, покойники слышат! Гудёт, словно зверь лютой... О-хо-хо-х...

– А ты сам откуда?

– Издалече, батюшка. Вологодский я, дальний. По святым местам хожу и за добрых людей молюсь. Спаси и помилуй, господи.

Сторож ненадолго останавливается, чтобы закурить трубку. Он приседает за спиной прохожего и сожигает несколько спичек. Свет первой спички, мелькнув, освещает на одно мгновение кусок аллеи справа, белый памятник с ангелом и темный крест; свет второй спички, сильно вспыхнувшей и потухшей от ветра, скользит, как молния, по левой стороне, и из потемок выделяется только угловая часть какой-то решетки; третья спичка освещает и справа и слева белый памятник, темный крест и решетку вокруг детской могилки.

– Спят покойнички, спят родимые! – бормочет прохожий, громко вздыхая. – Спят и богатые, и бедные, и мудрые, и глупые, и добрые, и лютые. Всем им одна цена. И будут спать до гласа трубного. Царство им небесное, вечный покой.

– Теперь вот идем, а будет время, когда и сами лежать бу-

дем, – говорит сторож.

– Так, так. Все, все будем. Нет того человека, который не помрет. О-хо-хо-х. Дела наши лютые, помышления лукавые! Грехи, грехи! Душа моя окаянная, ненасытная, утроба чревоугодная! Прогневал господа, и не будет мне спасения ни на этом, ни на том свете. Завяз в грехи, как червяк в землю.

– Да, а умирать надо.

– То-то что надо.

– Страннику, чай, легче помирать, чем нашему брату... – говорит сторож.

– Странники разные бывают. Есть и настоящие, которые богоугодные, блюдут свою душу, а есть и такие, что по кладбищу ночью путаются, чертей тешат... да-а! Иной, который странник, ежели пожелает, хватит тебя по башке топорищем, а из тебя и дух вон.

– Зачем ты такие слова?

– А так... Ну вот, кажись, и калитка. Она и есть. Отвори-ка, любезный!

Сторож ощупью отворяет калитку, выводит странника за рукав и говорит:

– Тут и конец кладбищу. Теперь иди всё полем и полем, покуда не упруешься в казенную дорогу. Только сейчас тут межевой ров будет, не упади... А выйдешь на дорогу, возьми вправо и так до самой мельницы...

– О-хо-хо-х-х... – вздыхает странник, помолчав. – А я теперь так рассуждаю, что мне незачем на Митриевскую мель-

ницу идтить... За каким лешим я туда пойду? Я лучше, су-
дарик, здесь с тобой постою...

– Зачем тебе со мной стоять?

– А так... с тобой веселей...

– Тоже, нашел себе весельщика! Странник ты, а вижу, лю-
бишь шутки шутить...

– Известно, люблю! – говорит прохожий, сипло хихикая. –
Ах ты, милый мой, любезный! Чай, долго теперь будешь
вспоминать странника!

– Зачем мне тебя вспоминать?

– Да так, обошел я тебя ловко... Нешто я странник? Я
вовсе не странник.

– Кто же ты?

– Покойник... Из гроба только что встал... Помнишь сле-
саря Губарева, что на масленой завесился? Так вот я самый
и есть Губарев...

– Ври больше!

Сторож не верит, но чувствует во всем теле такой тяжелый
и холодный страх, что срывается с места и начинает быстро
нащупывать калитку.

– Постой, куда ты? – говорит прохожий, хватая его за ру-
ку. – Э-э-э... ишь ты какой! На кого же ты меня покидаешь?

– Пусти! – кричит сторож, стараясь вырвать руку.

– Сто-ой! Велю стоять и стой... Не рвись, пес поганый!
Хочешь в живых быть, так стой и молчи, покеда велю... Не
хочется только кровь проливать, а то давно бы ты у меня из-

дох, паршивый... Стой!

У сторожа подгибаются колена. Он в страхе закрывает глаза и, дрожа всем телом, прижимается к ограде. Он хотел бы закричать, но знает, что его крик не долетит до жилья... Возле стоит прохожий и держит его за руку... Минуты три проходит в молчании.

– Один в горячке, другой спит, а третий странников провожает, – бормочет прохожий. – Хорошие сторожа, можно жалованье платить! Не-ет, брат, воры завсегда проворней сторожов были! Стой, стой, не шевелись...

Проходит в молчании пять, десять минут. Вдруг ветер доносит свист.

– Ну, теперь ступай, – говорит прохожий, отпуская руку. – Иди и бога моли, что жив остался.

Прохожий тоже свистит, отбегает от калитки, и слышно, как он прыгает через ров. Предчувствуя что-то очень недоброе и всё еще дрожа от страха, сторож нерешительно отворяет калитку и, закрыв глаза, бежит назад. У поворота на большую аллею он слышит чьи-то торопливые шаги, и кто-то спрашивает его шипящим голосом:

– Это ты, Тимофей? А где Митька?

А пробежав всю большую аллею, он замечает в потемках маленький тусклый огонек. Чем ближе к огоньку, тем страшнее делается и тем сильнее предчувствие чего-то недоброго.

«Огонь, кажись, в церкви, – думает он. – Откуда ему быть там? Спаси и помилуй, владычица! Так оно и есть!»

Минуту сторож стоит перед выбитым окном и с ужасом глядит в алтарь... Маленькая восковая свечка, которую забыли потушить воры, мелькает от врывающегося в окно ветра и бросает тусклые красные пятна на разбросанные ризы, поваленный шкафчик, на многочисленные следы ног около престола и жертвенника...

Проходит еще немного времени, и воющий ветер разносит по кладбищу торопливые, неровные звуки набата...